

Утренний обход прошёл гладко. Профессор Ким официально представил Чхе Чжунхана хирургам и персоналу травматологии. Короткое приветствие, лёгкие хлопki — и всё. Вскоре нас снова накрыло волной пациентов.

Я даже не помнил, как обедал.

Раз я не был голоден — значит, поел нормально. Или, может быть, моё тело просто забыло, что такое голод.

Я не мог вспомнить, будний сегодня день или выходной. К вечеру доктор Нам Джунхо снова начал выделяться. Хотя это был всего лишь полудневный перерыв, доктор Нам, успевший выбраться из больницы и вернуться, выглядел отдохнувшим.

Доктор Нам, осматривавший пациента, слегка кивнул мне издалека. Я пошевелил пальцами в ответ — мол, заметил.

Вечером кто-то схватил меня за руку. Это случилось сразу после того, как я ассистировал на операции пациенту, упавшему с высоты, и только что вышел из операционной. Это был Чхе Чжунхан. Он окликнул меня:

— Сонбэ.

Слово «сонбэ» резало слух, поэтому я сказал:

— Зови просто «хён».

Отношения между мной и Чхве Чжунханом были довольно странными. Хотя по больничной иерархии я стоял выше, в том, что мы делали, особой разницы не было.

Мне на самом деле было неловко, когда меня называли сонбэ. Казалось, он специально ставит меня на пьедестал. Уже то, что я так думал, доказывало, что Чхве Чжунхан мне неудобен.

— Тогда я буду называть вас хёном, если вы не против.

— Да. Что случилось?

Уладив вопрос с обращением, я спросил, что ему нужно. Чхве Чжунхан указал на электронные часы среди сложной системы мониторов.

— Кажется, вы можете поспать около трёх часов.

— Что?

— Вы здесь со вчерашнего дня. Только что вышли из операционной.

Я на мгновение потерял дар речи от его неожиданной заботы. Но, с другой стороны, Чхве Чжунхан тоже не отдыхал. Кто из нас за кого беспокоится? Когда я с подозрением посмотрел на него, Чхве Чжунхан сказал:

— Я немного поспал.

Когда он успел уснуть? Я не знал всего о передвижениях Чхве Чжунхана. Соврал ли он, чтобы успокоить меня, или действительно ухитрился вздремнуть — я не мог сказать.

— Я рано утром поспал, так что в порядке.

— Всё равно — отдыхать надо, когда есть возможность.

Чхве Чжунхан обвёл взглядом травматологию. Медперсонал сновал между пациентами, но сегодня было не более оживлённо, чем обычно. Умеренно, без хаоса.

— Ладно.

— Отдохните.

Появление ещё одного врача определённо пошло на пользу. Поначалу я опасался, что он будет заносчивым, когда сказал, что не сможет прийти, — но опасения оказались напрасными.

Чхве Чжунхан делал больше, чем от него требовалось. Не считая того, что он ещё не освоился с персоналом и больничной системой, он постепенно входил в колею. Казалось, он смыслённый парень.

Попросив его присмотреть за одним пациентом, который меня беспокоил, я направился в комнату отдыха. На нижней койке кто-то храпел, накрывшись халатом с головой. На груди у него был приколот бейдж, чтобы не слетел.

Я заглянул в бейдж — это был Юн Тхэсик. Профессор реаниматологии, почти родной человек в травматологии. Я осторожно забрался на второй ярус, повесил халат на перекладину и лёг.

Спать на кровати было совсем не то, что дремать за столом. Я быстро провалился в сон, позабыв даже о свете, лившемся сверху.

Будильник вырвал меня из сна. Это был не тот, что я ставил. Я открыл телефон, чтобы проверить время — может, поспать ещё.

Оказалось, я проснулся всего на десять минут раньше запланированного. Я зевнул, но чувствовал себя отдохнувшим. Когда я встал с койки, халат, висевший на перекладине, соскользнул вниз.

Снизу слышалось шуршание, и кто-то заглянул на второй ярус. Это был Юн Тхэсик — с взлохмаченными волосами.

— Что? Когда ты успел залезть?

— Пару часов назад.

— Я тебя разбудил?

— Я и сам собирался вставать, так что нормально.

Я спустился по лесенке. Юн Тхэсик протянул мне упавший халат. Отключив будильник, мы вышли из комнаты отдыха вдвоём. Поскольку я проснулся немного раньше, я заглянул в отделение интенсивной терапии травматологии.

Я хотел проверить состояние пациента, поступившего вчера после падения с высоты. Юн Тхэсик тоже зашёл в реанимацию. Прогноз у пациента был неплохой. После разговора с дежурным врачом я заметил, что профессор Ким машет мне из угла.

Перед профессором Кимом лежал пациент, сбитый машиной два дня назад.

Молодой парень лет двадцати с небольшим — за неделю он трижды побывал в операционной из-за множественных травм органов, разрыва селезёнки и переломов. Рано было расслабляться, но, казалось, он миновал критическую точку.

— Как там доктор Чхве?

Профессор Ким скрестил руки на груди поверх хирургического халата и спросил. Он знал, что я вздремнул благодаря заботе Чхве Чжунхана. О Чхве Чжунхане пока можно было сказать только одно:

— Похоже, он неплохой человек.

— Правда?

— И навыки у него приличные. Честно говоря, я не понимаю, зачем он пришёл в нашу больницу.

Чхве Чжунхан был перспективным врачом. С его хорошей физической формой и красивым лицом он не выглядел как азиатский врач среди западных коллег.

Я не хотел сомневаться в профессоре Киме, сыгравшем ключевую роль в истории корейской травматологии, и тем более не хотел проявлять неуважение, но я всё равно не понимал, почему Чхве Чжунхан выбрал нашу больницу.

Ради развития корейской травматологии? Ради страны? Он не казался мне таким уж патриотом. Денег и славы в американских больницах было больше, чем в Корее.

Профессор Ким прочистил горло и заговорил осторожно:

— На самом деле, когда он был в Штатах, доктор Чхве сам подошёл ко мне первым. Сказал, что хочет приехать в Корею после того, как закончит программу по травматологии в больнице Райдера.

Травматологическому центру Корейского университета всегда не хватало кадров. У нас не было возможности привередничать по поводу тех, кто хотел прийти. Нам приходилось чуть ли не умолять профессоров согласиться.

Травматология всегда работала как по тонкому льду — с минимальным количеством персонала. Хотя мы не могли покидать больницу дольше чем на полдня в месяц, все терпели и держались.

Даже если бы у Чхве Чжунхана был скверный характер, мы должны были быть благодарны, что он пришёл. Чхве Чжунхан добровольно шагнул в ад.

— Я не понимаю.

— Разве это плохо? У него неплохая репутация, и он старательный.

— Да. Хотя в первый день он успел устроить переполох.

Я говорил твёрдо. Проводить операцию в чужой больнице — это безумие. К счастью, всё закончилось благополучно, но даже думать об этом было страшно. После того как мы вышли из реанимации, пациента по его желанию перевели в больницу Корейского университета.

Сейчас он находится в общей палате, и лечащим врачом у него значится доктор Чхве. Когда мне позвонили из больницы Инха по поводу этого пациента, я отчитал его, чтобы он больше никогда так не делал.

Я не знаю, как принято в Штатах, но теперь Чхве Чжунхан — врач травматологии Корейского университета.

Даже если он всего лишь номинальный глава Центра неотложки, у меня есть долг и обязанность защищать своих подчинённых. Это касается даже тех врачей, которые только подписали контракт и ещё не появились в больнице.

Профессор Ким, напротив, отмахнулся, сказав, что раз результат хороший — всё в порядке, и естественным образом сменил тему:

— Кстати, ты живёшь один?

— А? Ну, да.

Я ответил, понимая, что профессор просто уводит разговор в сторону. Женитьба и свидания казались мне чем-то из другого мира. В моём случае объект интереса и вовсе не женщина. Я люблю мужчин. Но я не находился в том положении, чтобы одержимо думать о свиданиях.

Какой бы заботливой ни была вторая половинка, вряд ли кто-то захочет встречаться с человеком, которого может видеть раз десять в год, а связываться — раз в день. Даже я бы такого не хотел. Так что это был очень реалистичный вопрос.

Мой дом — вилла рядом с больницей. Для одного человека она была просторной, почти как склад. Я не понимал, к чему он клонит. Как и ожидалось, профессор Ким осторожно продолжил мягким тоном:

— Доктору Чхве сейчас негде жить.

— Нет дома?

— Он приехал в Корею в спешке, не успел подписать договор.

— А где его вещи?

— В моём кабинете.

— А... так вот те коробки...

Я вдруг вспомнил кучу незнакомых коробок и большие дорожные сумки в углу профессорского кабинета. В больнице так и бывает.

Если это не связано с пациентами или больницей, ты собираешься спросить — но быстро забываешь или не удосуживаешься. Я никогда не думал, что все эти вещи принадлежат Чхве

Чжунхану.

— Разве не слишком жестоко — заставлять его работать, не дав даже времени найти жильё после приезда в Корею?

— Ну...

Я растерялся. На любой другой работе, даже если бы Чхве Чжунхан сам настаивал на том, чтобы приступить немедленно, его бы отговорили. Профессор Ким выбирал то, что было действительно лучше для больницы. Он всегда ставил травматологию на первое место. Ради неё он жертвовал всем и терпел всё. Я знал это лучше других.

Я не мог отказать профессору Киму, который выглядел искренне виноватым. Он был слишком добрым для его же блага.

— Ладно. Нельзя же, чтобы он записал больничную реанимацию как свой адрес.

— Разве не так живёшь ты?

— Я имел в виду, что одного такого врача, как я, достаточно.

— Когда Сеён вернётся из свадебного путешествия, я дам тебе выходные — так что съезжай.

— Просто дай ему адрес и пусть занесёт вещи. Не нужно хлопот.

— Но ведь это твой дом.

— Хорошо. Я поговорю с доктором Чхве.

— Договорились.

— Вы ещё останетесь с пациентом? Я, наверное, вернусь в центр...

— Если будет срочный пациент — позвони.

— Понял.

Кивнув, я тихо вышел из хирургической реанимации и направился по коридору обратно в травматологию. Я думал о доме, который был практически складом.

«А нормально ли там будет?»

Я не мог вспомнить, когда в последний раз убирался. К счастью, я быстро забыл о доме. Вернувшись в травматологию, я был так занят потоком пациентов, что не мог думать ни о чём другом.

Только что отправив пациента из реанимационной палаты в отделение интенсивной терапии, я услышал, что в коридоре стало шумно. Я схватил за руку пробежавшую мимо медсестру.

— Что случилось?

— Ну...

Новенькая медсестра замялась, но к ней тут же подбежала другая, более опытная, и почти отодвинула её в сторону, заговорив быстро:

— Тройное столкновение. До прибытия четыре минуты, почти без разницы. Двое уже в пути.

Я покосился на хаос в реанимационной. Интерн и медсестра наводили там порядок. Я откинул со лба влажную чёлку. Ещё пациенты в такой ситуации? Вряд ли медсестра решила бы это одна — значит, кто-то из врачей отдал приказ.

К сожалению, единственным человеком в травматологии, кроме профессора Кима, кто мог послушаться меня, был Чхве Чжунхан. Прежде чем я успел раскрыть рот, опытная старшая медсестра заговорила первой:

— Приказ доктора Чхве. Только не злитесь сильно. А вдруг он сбежит, как в прошлый раз?

Ветеран травматологии, работавшая здесь с первых дней, решила, что раз пациенты всё равно уже в пути, лучше поладить.

— Я подготовлю дополнительные койки и вызову остальных врачей.

<http://bllate.org/book/20325/2083270>